

Архимандритъ Варлаамъ,
Ректоръ Полтавской духовной семинаріи.

ТЕОСОФІЯ

⌘ предъ судомъ ⌘

ХРИСТІАНСТВА.

ПОЛТАВА.

Электр. Типогр. Г. И. Маркевича, Бульваръ Котляревскаго.

1912 г.

I.

Изложение теософскаго ученія.

Первое теософское общество основано было въ 1875 году. Во главѣ его стала наша соотечественница Елена Петровна Блаватская и полковникъ Олькоттъ. Одно время къ нему принадлежалъ извѣстный нашъ писатель романистъ ~~Влад.~~ Соловьевъ. Изъ западной Европы, изъ Лондона и Парижа, общество это перешло и къ намъ, благодаря главнымъ образомъ популяризаціи и прославленія личности Е. П. Блаватской сестрой ея, тоже извѣстной писательницей Желиховской. Теперь общество это издаетъ въ Россіи нѣсколько журналовъ, какъ то: «Теософское Обзорѣніе», «Теософская Жизнь», «Вѣстникъ Теософіи» и др. Видными писателями, кромѣ покойной Блаватской, являются: Анна Безантъ, д-ръ Штейнеръ, К. Д. Кудрявцевъ, Предсѣдательница нынѣшняго теософическаго Общества А. Каменская и др.

Что же такое теософія? Въ переводѣ съ греческаго слово это означаетъ «богомудріе» или «божественную мудрость». Присваивая себѣ такое высокое наименованіе, теософское общество, конечно, хотѣло всѣмъ показать, какъ высоки

его задачи. Дѣйствительно, своей цѣлью теософія ставитъ: въ дѣлѣ религіи повѣдать міру еще неслышанное слово, согласить вѣру и знаніе, религію и науку; далѣе, объединить въ духѣ братства всѣ народы, поднять нравственный уровень человѣчества и оздоровить его жизнь, — наконецъ всѣмъ указать путь къ высшей мудрости и познанію того міра—привести людей къ единенію съ Божествомъ.

Не правда-ли, какія высокія и заманчивыя обѣщанія? Не къ этому-ли сводятся всѣ завѣтныя мечты людей? Добиться согласія вѣры и знанія, найти врачество отъ зла, прійти къ Богу и блаженному общенію съ Нимъ,—что можетъ быть выше и вождельннѣе этого? И христіанство, будучи божественной религіей, не можетъ дать большихъ обѣщаній. Поэтому, интересъ, проявляемый къ теософіи, понятенъ; понятно и увлеченіе ею, тѣмъ болѣе, что ученіе свое она излагаетъ не въ простотѣ и безыскусственности евангельской истины, а въ высокихъ, изысканныхъ формахъ, въ замысловатомъ, красивомъ стилѣ, съ обѣщаніемъ человѣку чуть-ли не на каждомъ шагу всякихъ чрезвычайныхъ познаній; и все это дѣлается съ такимъ таинственнымъ видомъ, что вамъ начинается казаться, будто высшій міръ дѣйствительно вотъ-вотъ откроется предъ вами, вы увидите небо и само Божество. О, если бы только все это было правдой!

Такъ какъ всѣ религіи, по своему, указываютъ путь къ Богу, а къ этому стремится и теософія, то естественно, она касается разныхъ ре-

лигіозныхъ ученій и высказываетъ о нихъ свое сужденіе. Относясь къ нимъ съ уваженіемъ, она свое постиженіе истины ставитъ выше всѣхъ отдѣльныхъ религіозныхъ ученій, не исключая въ томъ числѣ и христіанства. Такъ, въ «Вѣстникъ Теософіи» за 1909 г. читаемъ: «теософическое ученіе о невидимомъ мірѣ гораздо точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ ученія о немъ установленныхъ религій... Къ сожалѣнію, все, что большинство людей знаетъ о немъ или думаетъ, что знаетъ, было дано религіями, а религіи представили этотъ вопросъ до такой степени ненаучно, ¹⁾ что дискредитировали его въ сознаніи думающихъ людей; и тѣ изъ вѣрующихъ, которые и въ настоящее время признаютъ существованіе невидимаго міра, обыкновенно бываютъ самыми невѣжественными изъ людей“ ²⁾

Въ общемъ теософія не слѣдуетъ никакой опредѣленной религіи, но выбираетъ изъ всѣхъ нихъ то, что кажется ей истиной.

Истина, говоритъ теософія, — едина и представляетъ изъ себя какъ бы безбрежный океанъ, изъ котораго каждый черпаетъ столько, сколько можетъ вмѣстить его душевный сосудъ. Чѣмъ больше постигаетъ человѣкъ истину, тѣмъ больше расширяется его душевный сосудъ. Въ рели-

¹⁾ О христіанствѣ сказать этого нельзя; наоборотъ, наука только теперь доходитъ до того, о чемъ раньше проповѣдало христіанство.

²⁾ Вѣстникъ Теософіи, 1909 г., № 3. „Невидимый міръ“, стр. 1—2. Опять ложное заявленіе; можно подумать, что невѣрующіе люди знаютъ тотъ міръ лучше и точнѣе, чѣмъ вѣрующіе. Тутъ явная бессмыслица. Неправда и то, что вѣрующими людьми бываютъ только одни невѣжественные люди. Не наоборотъ-ли?

гіозныхъ вопросахъ больше всего зла принесли 2 заблужденія: 1-е, когда извѣстная религія или ученіе выдаетъ себя за единую истину или Божественное Откровеніе, и 2-е, когда всякое несогласное мнѣніе считается ложью.¹⁾ На самомъ дѣлѣ и религія постигаетъ только часть истины. Истина разсѣяна всюду—во всякой философіи и религіи; истинный мудрецъ-теософъ и долженъ отыскивать эти крупичицы истины.

Увы, взглядъ не новый; яркимъ выразителемъ его въ прошломъ столѣтіи былъ Ренанъ, извѣстный безбожникъ и отрицатель христіанства. Нелестное совпаденіе!

«Теософія знаетъ, говоритъ А. Безантъ, что божественная мудрость, какъ небесное свѣтило, свѣтитъ всѣмъ безъ исключенія, не предпочитая одной религіи другой. Обязанность каждаго теософа работать въ смыслѣ одухотворенія той религіи, которая господствуетъ въ его отечествѣ».²⁾

Но, несмотря на заявленіе о равенствѣ всѣхъ религій, сами теософы даютъ буддизму предпочтеніе предъ христіанствомъ.

¹⁾ Очевидно, все это направлено противъ христіанства, которое, дѣйствительно, есть—единая истина, какъ Откровеніе Самого Бога. Конечно, крупичицы истины есть всюду, и въ другихъ религіяхъ. Но когда къ заблуждшимъ и погибавшимъ людемъ сошелъ на землю Самъ Сынъ Божій и далъ имъ полноту истины и благодати, то долгъ чловѣка не мудрствовать лукаво, а принимать богооткровенную истину такъ, какъ она дана, и спастись. *„Если бы Я не пришелъ, говорилъ Христосъ о невѣрующихъ іудеяхъ, и не говорилъ имъ, то не имъ бы грѣха: а теперь не имъютъ извиненія во грѣхъ своемъ“* (Іоан. 15. 22.)

²⁾ Вѣстникъ Теософіи, 1909 г. № 1, ст. „Древняя Мудрость“.

«Стремленіе къ Божеству, говоритъ А. Безантъ въ своей лекціи «Йога» (это—названіе высшей буддійской философіи, обучающей человѣка тому пути, который ведетъ къ единенію съ Божествомъ) наблюдается во всѣхъ религіяхъ, существуетъ оно и въ христіанствѣ, и въ буддизмѣ. Существенная разница между обѣими религіями въ методѣ. Въ христіанствѣ существуетъ стремленіе; но обыкновенно отсутствуетъ систематическая подготовка¹⁾. Громадное же преимущество религіи индуизма заключается въ томъ, что въ ней не только сознается цѣль Йоги, но имѣется и ясное понятіе о ея методѣ. Религія эта не только ставитъ цѣлью то, что христіане называютъ «блаженнымъ созерцаніемъ», но и учитъ тому, какимъ путемъ достигнуть этого созерцанія». ²⁾

Изъ буддизма теософія черпаетъ такой щедрой рукой, что ученые изслѣдователи по справедливости называютъ ее «необуддизмомъ» (т. е. новымъ буддизмомъ); отсюда она заимствуетъ цѣлую религіозную философію «Раджа-Йога», рисующую путь къ познанію высшаго міра; отсюда

1) Чистѣйшая и беззащѣнная ложь! Христіанство не отвѣченная религіозная философія, а жизненное дѣло. Христось за тѣмъ и явился, чтобы возродить человѣка, искупить его отъ грѣха и чистымъ ввести въ единеніе съ Богомъ. Къ этому направлено и все ученіе вѣры, и всѣ таинства. „Якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ—въ Тебѣ, да и тии въ насъ едино будутъ“, молился Христось о вѣрующихъ (Іоан. 17, 21). И кромѣ христіанства ни одна религія не указываетъ истиннаго пути къ Богу и не приводитъ къ Нему. Церковь же Христова имѣетъ безчисленный сонмъ друзей Божіихъ, Святыхъ Угодниковъ, пришедшихъ къ Богу.

2) Вѣстникъ Теософіи, № 2, стр. 2—3 (въ сокращеніи). Мы увидимъ ниже, куда этотъ путь приводитъ, къ какому общенію.

заимствуетъ также и ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, отъ себя внося лишь нѣкоторыя разъясненія и новые, болѣе понятные термины.] Изложимъ же ученіе теософіи о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ.

Согласно съ индійской философіей, теософія учитъ, что міръ есть проявленіе божества, какъ бы его выдыханіе. Все—отъ Бога, и все—въ Немъ. Нѣтъ жизни, которая не была бы его жизнью; нѣтъ силы, которая не была бы его силой; нѣтъ энергіи, которая не была бы его энергіей. Даже и всѣ формы міра связаны съ божествомъ, служатъ его проявленіемъ.

Далѣе, новѣйшая физика учитъ, что подъ формой матеріи скрывается одна сила—движеніе, только различной силы и скорости; различіе это и создаетъ все разнообразіе міра. Согласно съ этимъ и теософія учитъ, что міръ есть движеніе божественной мысли, а самая мысль есть безконечно разнообразная въ своихъ колебаніяхъ (вибраціяхъ) сила.

Чтобы представить на примѣрѣ, какъ Богъ проявляетъ изъ себя міръ, теософы приводятъ слѣдующій примѣръ. Возьмемъ, говорятъ, раскаленный уголь, прицѣпимъ его къ желѣзной проволоцѣ и будемъ быстро вращать. Мы увидимъ тогда огненный кругъ. Этотъ кругъ будетъ существовать только въ нашемъ сознаніи, въ нашемъ умѣ; въ дѣйствительности же это будетъ движеніе, произведенное кусочкомъ угля, при чемъ послѣдній не подвергается при этомъ ни малѣйшему измѣненію. Такъ и Богъ, проявляя себя въ мірѣ, говорятъ, остается вѣчно неизмѣннымъ.

Ввиду того, что весь міръ есть какъ бы выдыханіе божества, какое-либо качественное различіе между духомъ и матеріей исчезаетъ; различіе это только количественное: матеріаль, такъ сказать, изъ котораго состоитъ духъ и матерія—одинъ и тотъ же; разница только въ количествѣ вибрацій атомовъ. Такъ, если матерія даетъ отъ 30 до 32 тысячъ, вибрацій или движеній атомовъ въ 1 сек., то результатомъ, говорятъ, бываетъ *звукъ*. Вибраціи отъ 1 милліона до 34 билліоновъ въ секунду даютъ, говорятъ, *электричество*. Усиливая вибраціи, получимъ *теплоту, свѣтъ* и т. д. Наконецъ, если утончить и разрѣдить самые атомы, получимъ эфирное состояніе матеріи и наконецъ какъ бы ея духовное состояніе или духъ.

Міръ въ его цѣломъ теософія дѣлитъ на 3 плана: на міръ физическій, астральный (отъ греч. слова: астер—звѣзда) и ментальный (отъ латин. слова: менс—умъ, духъ) или духовный. Опять какого-либо существеннаго различія между ними нѣтъ, а одинъ служитъ продолженіемъ и утонченіемъ другого. Такъ, астральный міръ есть продолженіе міра физическаго, духовный—продолженіе и утонченіе міра астрального. Утонченіе это, говорятъ, идетъ постепенно и можно наблюдать всюду: такъ, твердыя тѣла въ природѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, обращаются въ жидкое и даже газообразное состояніе, а газообразное—въ эфирное, еще болѣе тонкое; это и есть матерія астрального міра; утончаясь, она даетъ матерію міра духовнаго, въ концѣ котораго само Божество.

Итакъ, всѣ эти 3 міра состоятъ изъ одной и той же первичной матеріи, только взятой въ различныхъ степеняхъ плотности и вибрирующихъ движеній; а разъ это такъ, то различіе между *духомъ и матеріей, между Божествомъ и міромъ* уже исчезаетъ. Духъ, сознание, мысль, личность человѣка, все это—та же матерія, что напр. растеніе или камень, только безконечно утонченная и взятая въ разныхъ колебаніяхъ частиць.

Процессъ жизни человѣка есть процессъ его постепеннаго восхожденія отъ низшаго состоянія къ высшему. Жизнь человѣка никогда не прекращается, и умирая, онъ только сбрасываетъ съ себя грубый физическій покровъ; сущность его и по смерти остается таже, только утончается и принимаетъ форму астральнаго міра, въ который входитъ человѣкъ.

Астральный міръ представляетъ подобіе міра физическаго, раздѣляется на нѣсколько областей, и всѣ ихъ долженъ пройти человѣкъ прежде, чѣмъ достигнетъ Божества. Тѣ области, какія не отвѣчаютъ настроенію человѣка, онъ пройдетъ быстро, не останавливаясь; въ другихъ же будетъ задержанъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, праведникъ, утончившій свое тѣло на землѣ, пройдетъ безпрепятственно болѣе грубую сферы астральнаго міра. Грѣшники, наоборотъ, остаются здѣсь надолго и мучаются.

По словамъ теософовъ, низшія области астральнаго міра соотвѣтствуютъ тѣмъ мытарствамъ, которыя по христіанскому ученію проходитъ душа, вступая въ загробный міръ, а весь астральный

міръ напoминаетъ католическое „чистилище“. Въ общемъ астральный міръ—мрачная тpущоба, полная всякихъ ужасовъ. Характеръ каждаго чeловѣка выражается здѣсь явно для всѣхъ, безъ всякой маски лицемѣрія; поэтому чeловѣкъ, полный дурныхъ страстей, обнаруживаетъ это и самой своей фигурой, и формой. Въ астральномъ мірѣ нѣтъ притворства: каждый бываетъ здѣсь въ своемъ настоящемъ видѣ.

Въ низшей области этого міра живутъ такимъ образомъ самые стверженные люди: убійцы, разбойники, развратники, тяжкіе преступники разныхъ типовъ, пьяницы и т. п.

Сбросивъ съ себя физическое тѣло, они выставляютъ здѣсь напоказъ свои страсти во всей ихъ наготѣ и, полные лютыхъ, неудовлетворенныхъ стремленій, мечутся разъяренные по этой мрачной области, толпятся вокругъ притоновъ страстей на землѣ, подстрекаютъ служителей грѣха къ постыднымъ дѣламъ и, вселяясь въ нихъ, вовлекаютъ ихъ въ разныя излишества.

Только послѣ усовершенія чeловѣкъ переходитъ изъ астральной сферы въ ментальную или духовную, соотвѣтствующую отчасти христіанскому *небу*¹⁾. Здѣсь—царство безсмертныхъ, царство учителей и посвященныхъ. Послѣдняя высшая сфера—Нирвана. Здѣсь—сердце вселенной; отсюда истекаютъ всѣ жизненные токи; отсюда исходитъ великое дыханіе, жизненное начало всего, сюда же оно и возвращается, когда вселенная достигаетъ предѣла въ своемъ развитіи.

1) Вѣстникъ Теософіи, № 3, стр. 12.

Нирвана, по увѣренію теософовъ, не есть уничтоженіе личной жизни; это—полнота жизни, слившейся съ жизнью вселенной.

Но человѣкъ не сразу переходитъ изъ одного міра въ другой,—изъ физическаго въ астральный и изъ астральнаго въ духовный. Наоборотъ, онъ надолго задерживается въ каждомъ изъ нихъ, воплощаясь по нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ для другой сферы и не выполнить въ предыдущей сферѣ всѣ лежавшія на немъ обязанности и обязательства.

Перевоплощеніе является однимъ изъ главныхъ догматовъ буддизма и теософіи; имъ они думаютъ объяснить всѣ ненормальности въ жизни человѣка. „Перевоплощеніе,—говорятъ теософы, есть несомнѣнный фактъ природы; оно необходимо для того, чтобы осуществилось то огромное развитіе, какое предлежитъ душѣ. Если отвергать перевоплощеніе, придется признать предопредѣленіе. При допущеніи перевоплощенія, и грубый дикарь можетъ въ будущемъ развить всѣ благородныя качества святого и герся, и тогда міръ предстанетъ предъ нами, какъ система эволюціи (т. е. развитія), задуманная и мудро направленная; въ противномъ же случаѣ мы будемъ принуждены видѣть въ немъ хаосъ, въ которомъ чувствующія и думающія существа подвергаются всевозможнымъ несправедливостямъ, получая въ удѣлъ счастье и несчастье, хорошія качества или пороки по чьей-то чужой волѣ, не имѣющей никакой внутренней связи съ человѣкомъ. Если же предположить, что душа дикаря

предназначена для дальнѣйшей жизни и развитія, что она не приговорена на вѣкъ къ состоянію дѣтства, что развитіе ея продолжится послѣ смерти въ другихъ мірахъ, то уже и придется признать эволюцію души и ея перевоплощеніе. Древняя мудрость и учитъ, что душа развивается въ нѣсколькихъ мірахъ и воплощается въ каждомъ изъ нихъ снова и снова, пока не завершится вся эволюція, возможная въ каждомъ изъ нихъ¹⁾.

То различіе и неравенство, какое существуетъ между людьми есть такимъ образомъ слѣдствіе ихъ неодинаковаго прошлаго въ прежнихъ воплощеніяхъ и жизняхъ.

Первоплощенія, говорятъ теософы, требуютъ и другой законъ, управляющій жизнью человѣка, — законъ долга или обязательства, именуемый „Карма“. Слово это значитъ „дѣйствіе“, но такое, какое вытекаетъ съ необходимостью изъ извѣстной причины. Изъ такихъ необходимыхъ причинъ и слѣдствій состоитъ вся жизнь человѣка; это и есть „карма“, отсюда—выраженіе: „это—моя карма“, т. е. это событіе есть слѣдствіе моего дѣйствованія въ прошломъ.

„Обособленной жизни, по словамъ теософовъ, нѣтъ; каждая жизнь есть дитя предыдущихъ жизней и мать всѣхъ послѣдующихъ. Человѣкъ дѣйствуетъ и посылаетъ отъ себя безпрестанно си-

1) Вѣст. Теос., 1909 г., № 2. Древняя мудрость, А. Безангъ стр. 36—37 (перифразъ). Остается все-таки совершенно непонятнымъ, для чего душѣ, стремящейся къ развитію, нужно снова входить въ тѣло? Вѣдь тѣло—обуза для души, уменьшеніе ея силы.

лы во всѣ сферы, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ; эти силы являются причинами опредѣленныхъ послѣдствій, касающихся какъ его самого, такъ и другихъ». ¹⁾ Вслѣдствіе этого человѣкъ постоянно въ той или другой степени бываетъ должникомъ другихъ и за то добро, какое получилъ отъ нихъ, и за то зло, какое причинилъ имъ словомъ или дѣломъ. Все это по закону «кармы» требуетъ отплаты, возмездія и въ той же сферѣ жизни, въ какой происходило самое дѣло. Должниками своихъ ближнихъ мы бываемъ даже и въ томъ случаѣ, если, не причиняя имъ зла, не дѣлаемъ и добра, не стараемся сдѣлать ихъ лучше.

Такъ съ необходимостью, говорятъ, требуются все новыя и новыя воплощенія: во время одной жизни или воплощенія человѣкъ часто не будетъ въ состояніи заплатить и одинъ какой-нибудь свой долгъ,—не говоря уже обо всѣхъ, кромѣ того самая «карма», т. е. долги человѣка бываютъ настолько различны, что для ихъ погашенія потребуются совершенно различныя условія, а можетъ быть даже и типы тѣлъ; такъ возможно, что нѣкоторымъ въ наказаніе за порокъ придется воплотиться въ тѣлѣ какого-либо животнаго.

«Но такъ какъ душа должна возвращаться на землю до тѣхъ поръ, пока не погаситъ всѣ свои обязательства, а между тѣмъ въ каждой новой жизни мысли и желанія человѣка создаютъ новую «карму», то легко можетъ возникнуть вопросъ: когда же настанетъ конецъ этой вѣчно возоб-

¹⁾ Тамъ-же, № 3, стр. 19, 22; № 5—6 стр. 25 (въ перифразѣ).

новляющейся зависимости? Какимъ образомъ душа можетъ достигнуть своего освобожденія?»

Отвѣтъ дается слѣдующій: всякое дѣйствіе чловѣка вызывается его желаніемъ; не будетъ желанія, не будетъ и дѣйствія; желанія, вызывая дѣла, создаютъ и «карму», и привязываютъ къ ней чловѣка. Поэтому, чтобы сократить свой долгъ, нужно сократить желанія и, наконецъ, „когда душа перестанетъ желать какого-бы то ни было объекта (т. е. предмета) на землѣ и въ небесахъ, связь, привязывавшая ее къ колесу воплощенія, *вращающагося во всѣхъ трехъ мірахъ*, обрывается“. ¹⁾

По увѣренію теософіи, законы перевоплощенія и кармы имѣютъ великое благодѣтельное значеніе въ жизни чловѣка. „Они вызываютъ въ людяхъ спокойное отношеніе къ неизбѣжнымъ тягостямъ жизни. Чловѣкъ, удрученный всевозможными несчастіями, не станетъ роптать на Бога и своихъ ближнихъ, ибо онъ увидитъ въ своихъ затрудненіяхъ результаты своихъ же прошлыхъ ошибокъ и грѣховъ“ ²⁾.

Отъ этихъ ученій теософіи о земной жизни чловѣка переходимъ теперь къ другому ея краеугольному камню—къ ученію о томъ, какъ чловѣкъ можетъ постигнуть невидимый міръ и прийти въ общеніе съ Божествомъ. Въ этомъ пунктѣ теософія ставитъ себя, какъ мы видѣли, выше всѣхъ религій, даже христіанства, ибо всѣ онѣ, по ея заявленію, дѣлаютъ только попытки достиг-

¹⁾ Вѣстникъ Теософіи, 1909 г., № 5—6, стр. 31—32.

²⁾ Тамъ-же, стр. 38.

нута общенія съ Божествомъ, не указывая пути; теософія же указываетъ и самый путь, благодаря знанію котораго каждый мірянинъ можетъ сдѣлать необходимые шаги для того, чтобы по крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ воплощеніи быть въ состояніи достигнуть успѣха въ Йога¹⁾. Йога и есть тотъ путь, который приводитъ человѣка въ единеніе съ Божествомъ ¹⁾).

Какъ же можно познать высшій міръ? Человѣкъ, говорятъ теософы, привыкъ своимъ сознаніемъ или умомъ постигать только этотъ, видимый міръ и совершенно не можетъ постигать міръ высшій, невидимый. Для этого обычный его умъ—малъ, человѣку нужно сильнѣе развить свое сознаніе, настолько, чтобы оно въ состояніи было подняться надъ этимъ дольнымъ міромъ, и подобно ясновидящему, увидѣть скрытыя тайны.

Но можно-ли допустить въ человѣкѣ такое высокое развитіе ума? Теософы отвѣчаютъ, что можно, ибо, говорятъ, всюду царитъ законъ эволюціи, т. е. развитія и усовершенствованія. Если этотъ законъ мы распространяемъ на міръ физическій, то почему же не распространить его на міръ души и на ея силы? Далѣе, если съ теченіемъ времени усовершеншается душа, то должны усовершеншаться и ея силы, въ частности умъ; органъ познанія долженъ развиваться и приспособляться къ воспріятію высшихъ впечатлѣній. Правда, такого развитія ума мы до сихъ поръ не видимъ, но виноваты въ этомъ сами люди: человѣкъ забылъ высшій міръ и все вниманіе обра-

¹⁾ Вѣстникъ Теос., № 2, стр. 3. „Йога“, А. Безантъ.

тиль на землю, развивая свой эгоистическій, земной разумъ, увлекаясь богатствомъ и матеріальными благами. Такъ оземлилось и притупилось сознание человѣка.

Въ подтвержденіе возможности развитія сознанія, ума, и достиженія какъ бы „сверхсознанія“, теософы ссылаются на явленія ясновидѣнія и сомнамбулизма, когда человѣкъ, какъ бы забывая окружающій міръ, живетъ впечатлѣніями другими, взятыми изъ другого, высшаго міра. Ссылаются также на явленія геніальности, на поэтическое вдохновеніе и т. п.

Тоска по этому высшему сознанію, говорятъ теософы, замѣчается всюду. Всѣ высшія явленія чувствъ прекраснаго, экстазы чистой любви есть инстинктивное стремленіе человѣка къ высшимъ мірамъ и какъ бы бессознательная форма общенія съ ними. Долгъ человѣка сдѣлать это общеніе сознательнымъ. Для этого и нужно развивать мозговую силу (мыслительную), ибо всѣ ясновидцы и геніальные люди обладали сильно развитымъ мозговымъ сазнаніемъ и мугущественной мозговой волей.

Способу (методу), какъ развить силы мозга до состоянія ясновидѣнія, или сверхсознанія, и учить особая наука Раджа-Йога, разработанная индусскими подвижниками.

О мыслительной силѣ они учатъ такъ.— Въ основѣ всего міра лежатъ невидимыя силы; міръ и есть ихъ проявленіе. Человѣческая мысль есть то же одно изъ проявленій этой невидимой силы, но проявленіе самое тонкое и самое высокое. Слѣдовательно, если ее развить,

она будетъ въ состояніи возвыситься надъ всѣми тѣми силами природы духовной и физической и достигъ высшаго познанія.¹⁾

Развивается мыслительная сила при помощи особыхъ пріемовъ и упражненій. Но такъ какъ обычно человѣкъ бываетъ не подготовленъ къ воспріятію болѣе высокихъ впечатлѣній, какъ напр. ухо бываетъ неподготовлено къ воспріятію сильнаго звука, а глазъ—ослѣпительнаго свѣта, то и нужно прежде всего исполнить эту работу, а именно: подготовить душу и тѣло, иначе человѣческой организмъ не вынесетъ высокихъ впечатлѣній и случится нервное расстройство или даже умопомѣшательство. Нужно утончить то и другое; для этого у души надо отнять страсти, иначе онѣ будутъ держать въ плѣну и сознаніе (умъ) человѣка; впрочемъ, гордость и эгоизмъ Йога не считаетъ за пороки.—Для утонченія тѣла совѣтуется употреблять растительную пищу, избѣгать всего раздражающаго и возбуждающаго; избѣгать, наконецъ, и переутомленія. Утончая себя, ученикъ Йога долженъ развивать въ себѣ и силу воли, самообладанія, добиться того, чтобы разныя неожиданныя чувства радости и горя не подавляли его и не отвлекали отъ главнаго дѣла.

Всѣ упражненія Йога сводятся къ тому, чтобы развить сосредоточенность мысли; мысль, достиг-

¹⁾ Въ подробномъ и довольно доступномъ изложеніи философію Раджа-Йога можно найти въ книгѣ М. Лодыженскаго: «Сверхсознаніе» изд. СПб. 1911, ч. 2 р.; стр. 194—240. О Йогѣ трактуетъ д-ръ Шгейнеръ въ своемъ сочиненіи: „какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ“, Вѣст. Теос. 1909., № 4. Также А. Безантъ въ статьѣ „Йога“, Вѣс. Теос. 1909, № 2.

шая сосредоточенности, становится, говорятъ, громадной силой, способной творить чудеса. Но чтобы сосредоточивать и усиливать мысль, нужно сначала овладѣть ею, ибо теперь, какъ извѣстно, человѣкъ не только не владѣетъ ею, а нерѣдко бываетъ и рабомъ ея: мысли часто идутъ ему на умъ вопреки его волѣ. Для подчиненія себѣ мысли ученикъ долженъ выработать умѣние управлять дыханіемъ, ибо говорятъ, дыханіе связано съ мыслительной силой и вообще съ той силой, которая движетъ человѣкомъ; овладѣвъ дыханіемъ, человѣкъ какъ бы овладѣваетъ собою и мыслительной силой и уже можетъ тогда направлять послѣднюю по своему желанію.

Упражненія въ дыханіи сводятся къ развитію способности задерживать дыханіе, направлять его по внутреннимъ органамъ, какъ бы выдыхать внутрь себя и т. д. Въ общемъ упражненія эти во всей полнотѣ доступны только индусамъ-азіатамъ, а европейцамъ теософы не совѣтуютъ за нихъ браться, ибо при этомъ могутъ быть серьезно повреждены нѣкоторые органы (можетъ быть кровоизліяніе въ легкихъ) и даже послѣдовать смерть,—а просто приучать себя къ выработкѣ правильнаго и ровнаго дыханія.

Развивая сосредоточенность, человѣкъ прежде всего долженъ развить въ себѣ способность останавливаться мыслью на отдѣльныхъ предметахъ. Нужно добиться, говорила Блаватская, чтобы, если вы думаете о коробкѣ спичекъ, для васъ ничего бы и не было въ мірѣ кромѣ этой коробки и вашего „я“.

Успѣть въ сосредоточенности нельзя, если не ослабить всякія внѣшнія впечатлѣнія, идущія на человѣка изъ окружающаго міра, а для этого чаловѣку нужно уединяться внутри себя, во внутренней своей сферѣ. „Всѣ великіе мыслители,— пишетъ А. Безантъ, дѣлаютъ это. Возьмемъ мыслителей, давшихъ міру великія произведенія; занятые усиленнымъ умственнымъ трудомъ, они совершенно забывали о тѣлѣ и его законныхъ потребностяхъ; случалось, что погруженные въ свои мысли, они забывали объ отдыхѣ, о ѣдѣ, а иногда даже и снѣ. Такая сосредоточенность— необходима; безъ этого никакой успѣхъ въ Іогѣ— невсвозможенъ. Умъ того, кто можетъ сосредоточить свои мысли въ одной точкѣ, уподобляется острію. Тупой предметъ нельзя протолкнуть сквозь препятствія, его надо заострить. Такъ и съ умомъ. Поэтому, если умъ разбрасывается, гоняясь за внѣшними впечатлѣніями, энергія его слабѣетъ ¹⁾. Это—первая ступень сосредоточенности.

Развивая ее дальше, достигаютъ второй ступени. На первой ступени человѣкъ привыкнетъ сосредоточиваться на какомъ-нибудь видимомъ предметѣ, а здѣсь человѣкъ долженъ сосредоточивать свой умъ на какой-нибудь мысли, идеѣ, и достигать того, чтобы кромѣ этой мысли ни о чемъ не думать и ничего не чувствовать. Анна Безантъ рассказываетъ объ одномъ знакомомъ индуcѣ, какъ онъ благодаря этому приему безъ хлороформа перенесъ мучительнѣйшую операцію, не

¹⁾ Вѣстникъ Теос. № 2, стр. 24 (перифразъ).

ощущая никакой боли; передъ операціей онъ отвлекъ свою мысль въ сторону, на совершенно другую идею и не чувствовалъ, что дѣлали съ его тѣломъ.

Но и на второй ступени умъ не будетъ всецѣло уединенъ: онъ не будетъ временами свободенъ отъ вторженія къ нему разныхъ непрошенныхъ мыслей. Теософія и учитъ убивать ихъ; «въ тотъ моментъ, говоритъ Безантъ, когда является какая-нибудь нежелательная мысль, она должна быть устранена, вы убиваете ее преднамѣреннымъ усиліемъ. Успѣха въ этомъ вы достигнете не скоро, но упражняясь изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ, вы постепенно создадите въ своемъ умѣ отталкивающую силу.»¹⁾

Когда умъ у Йога (т. е. подвижника) послѣ долгихъ упражненій, значительно преуспѣетъ въ сосредоточенности и придетъ къ внутренней тишинѣ, тогда, если изгнать изъ него на нѣкоторое время всякую мысль, начнетъ дѣйствовать сверхсознаніе.

Въ такія минуты человѣкъ непосредственно познаетъ Божество и приходитъ въ духовное соприкосновеніе съ величайшими тайнами вселенной.

Въ этомъ состояніи человѣкъ можетъ быть пророкомъ и чудотворцемъ. О чудесахъ Іоговъ говорятъ всѣ индійскія книги, говорятъ о нихъ и теософы. Спѣшимъ оговориться: это не чудеса въ смыслѣ проявленія Божественной силы, а диковинныя проявленія той же человѣческой силы,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 25—26.

путемъ внушенія дѣйствующей на слабого чело-
вѣка. Слѣдовательно, чудеса эти всецѣло при-
надлежатъ къ явленіямъ гипнотизма и магне-
тизма. Ихъ показываютъ и теперь, разбѣзжаю-
щіе по Европѣ индійскіе факиры. О Блаватской
говорятъ, что она обладала способностью показы-
вать мгновенныя исчезновенія людей и предме-
товъ, напр. исчезновеніе человѣка, несущаго лам-
пу, что производило впечатлѣніе, что лампа дви-
жется одна по комнатѣ.

Въ практической жизни сила Йога можетъ
помочь только въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, въ ка-
кихъ помогаетъ теперь и медицина, тоже при
помощи внушенія. Примѣняемая же въ другихъ
случаяхъ, особенно на здоровомъ человѣкѣ, гип-
нотическое вліяніе Йога ведетъ или къ нервно-
му разстройству пациента, или даже къ умопо-
мѣшателству. Далѣе, такъ какъ и сами Йоги
бываютъ не свободны отъ чувства гордости, за-
висти и соревонованія, то часто одинъ Йогъ дѣй-
ствуетъ на другого изъ какихъ-нибудь личныхъ
и корыстныхъ цѣлей, и тогда слабѣйшій изнемо-
гаетъ отъ великой психической силы своего про-
тивника. Случается, онъ падаетъ на землю и
корчится въ судорогахъ, не будучи въ состояніи
вынести этого душевнаго поединка.

Но, когда ученикъ, упражняясь, достигнетъ и
высокой умственной силы, путь къ Божеству все
равно для него не безпрепятственъ: ученикъ
Йога встрѣчаетъ здѣсь всякія страхованія изъ
астральнаго міра, населеннаго, какъ мы знаемъ,
разными недобрыми существами. На ученика'

нападаетъ иногда безотчетный страхъ, онъ даже слышитъ угрозы, чувствуетъ присутствіе съ собой какой-то сторонней силы.

Иногда ученикъ слышитъ какъ бы звуки колоколовъ, видитъ свѣтлыя пятна и т. п. Йога говоритъ, что видѣнія эти свидѣтельствуютъ уже о значительномъ успѣхѣ ученика, а А. Безантъ добавляетъ, что они въ то же время могутъ быть предвѣстниками и нервнаго расстройства.

Какъ избавиться отъ этихъ страховъ и опасностей? Дается общій отвѣтъ, что нужно вѣрить въ свои силы, нужно быть мужественнымъ и прислушиваться къ голосу долга.

Дальнѣйшія наставленія о томъ, какъ приобрести высшую духовную силу, составляютъ уже предметъ тайной науки оккультизма, куда не проникаетъ своимъ взоромъ непосвященный; отъказывается говорить о нихъ и Йога. Но и всѣ указанные приемы Йоги настолько опасны для здоровья и такъ близки къ уродованію душевной жизни, что даже А. Безантъ совѣтуетъ европейцамъ вмѣсто системы Раджи—Йоги избрать другой путь къ Божеству, который она именуетъ Истинной Йогой; если въ первой Йогѣ главная двигательная сила—умъ и знаніе, то во второй, наоборотъ,—чувство благоговѣнія и покорности Божеству. „Есть въ мірѣ нѣчто,—говоритъ она, что могущественнѣе знанія; это—благоговѣнное преклоненіе предъ религіознымъ идеаломъ... Чувствовать благоговѣніе значить сознавать, что есть нѣчто большее васъ, нѣчто болѣе высокое, болѣе возвышенное, къ чему вы не можете быть

критикомъ, а можете лишь падать ницъ и, благоговѣнно приклоняясь, молча ожидать откровенія“¹⁾).

Таково пресловутое теософское ученіе о высшей мудрости и пути къ познанію загробнаго міра. Когда человѣкъ черезъ множество воплощеній достигнетъ наконецъ нирваны, онъ своей умственной силой сливается съ Божествомъ, становится съ Нимъ единымъ, какъ бы растворяется съ божественной природой.

1) Вѣстн. Теос., № 2 стр. 27. Характерное признаніе въ устахъ теософки: хваленый буддизмъ оказался несподрученъ и куда ниже христіанскихъ настроеній смиренія, благоговѣнія и надежды на Бога, къ которымъ она зоветъ въ своей „Истинной Іогѣ“. Зачѣмъ же было въ началѣ охуждать христіанство? ●

II.

Критика теософіи съ христіанской точки зрѣнія.

Ознакомившись съ ученіемъ теософіи, нельзя не видѣть, что она собственно не представляетъ изъ себя чего-либо новаго и неслыханнаго, тѣмъ болѣе, не представляетъ какой-либо высшей философіи, примиряющей науку и религію, вѣру и знаніе. Поднимать изъ праха вѣковъ отжившее и старое не значитъ давать міру новое; воскрешать въ поддѣлкахъ подъ христіанство буддизмъ не значитъ создавать свое, оригинальное. Поэтому и всѣ тѣ высокія рѣчи, какія сама теософія говоритъ о себѣ, отзываются прельщеніемъ, рекламой. Да и сами мы видѣли, что тотъ увѣренный и высокій тонъ, съ какимъ она начинала вѣщать свое ученіе, къ концу замѣтно слабѣетъ и падаетъ и дѣлается совсѣмъ уже неуѣреннымъ въ вопросахъ богопознанія и единенія человѣка съ Божествомъ. Теософія не скрываетъ здѣсь многихъ опасностей и страховъ, и спасаясь отъ нихъ, спѣшитъ скорѣе къ *нирвану*, заявляя, что достигши ея, человѣкъ будетъ блаженъ, хотя блаженство это такое же голое и пустое, какъ гола, пуста и безжизненна сама нирвана, въ которой нѣтъ мѣста живымъ чувствамъ и настроеніямъ.

Но не будемъ пока предрѣшать общаго вывода о теософіи, а дадимъ шагъ за шагомъ критическую оцѣнку ея основнымъ положеніямъ съ научно-христіанской точки зрѣнія.

[Беремъ главный предметъ во всякой религіи и философіи,—ученіе о Богѣ. Какъ разрѣшаетъ его теософія? Нужно сказать, въ теософіи нѣтъ яснаго ученія о Богѣ и Его личной жизни; понятіе о Божествѣ дается самое смутное и неопредѣленное, вдумываясь въ которое приходится признать Бога простой силой, движущей міромъ и проявляющейся во всѣхъ формахъ міра.

Міръ, какъ мы знаемъ по ученію теософіи, есть выдыханіе божества; все—изъ Бога; всѣ формы міра есть и формы Божества; слѣдовательно, существеннаго различія между Божествомъ и міромъ, между духомъ и матеріей—нѣтъ; различіе это—только въ количествѣ вибрацій движущейся силы. Такое смѣшеніе Творца съ тварью, такое безличное, механическое представленіе жизни міра есть уже *материализмъ*, и болѣе грубый, чѣмъ материализмъ Бюхнера и Молешотта; и эти полагали нѣкоторую грань и различіе между духомъ и матеріей. Духъ, по ихъ представленію, не тождественъ съ матеріей, хотя и тѣсно связанъ съ ней, а здѣсь утверждается полное тождество. Духъ, сознаніе, человѣческая личность, все это—виды и проявленіе одной и той же матеріи, какая напр., въ растеніи и камнѣ.

И спрашиваемъ, что новаго, возвышеннаго и отраднаго—въ такомъ представленіи Бога и

человѣка? Много-ли оно говоритъ уму и сердцу? *Вѣдь, если нѣтъ личнаго Бога, то нѣтъ и личнаго безсмертія, а тогда и вся жизнь человѣка обращается въ механическій процессъ простаго физическаго развитія, безъ всякаго просвѣта впереди, безъ всякаго упованія.*

Какъ день превосходитъ ночь, такъ христіанское ученіе о Богѣ и человѣкѣ превосходитъ теософское. По христіанскому ученію, Богъ есть прежде всего Высочайшая Личность, избытокъ личной жизни Которой проявился въ твореніи разумныхъ существъ: ангеловъ и человѣковъ, и наконецъ, въ твореніи матеріальнаго міра; при чемъ, человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію, носить въ себѣ искру Божества и своимъ достоинствомъ царскимъ неизмѣримо превосходитъ весь остальной міръ.

Человѣкъ, далѣе, безсмертенъ, и это безсмертіе опять полное и личное, съ сохраненіемъ всей личной жизни, въ истинномъ и дѣйствительномъ общеніи съ Богомъ. Это христіанское ученіе на протяженіи десятковъ вѣковъ доказываютъ и наука, и философія, такъ что истины эти стали теперь почти аксіомой (т. е. истиной, не требующей доказательствъ, самоочевидной); и намъ непонятно, зачѣмъ понадобилось теософіи доставать изъ мрака вѣковъ печальныя человѣческія заблужденія и преподносить это теперь людямъ?—Нѣвысокое занятіе. Итакъ, *затушеванный матеріализмъ и атеизмъ, вотъ первое, съ чѣмъ мы встрѣчаемся въ теософіи.* Изъ дальнѣйшаго изложенія мы убѣдимся въ этомъ еще болѣе.

Всю вселенную теософія дѣлитъ на 3 плана: на міръ физическій, астральный и духовный. Опять въ этомъ дѣленіи нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, если не считать новыхъ названій. Впрочемъ, и сами теософы говорятъ, что астральный и духовный міръ отчасти соотвѣтствуютъ христіанскимъ аду и раю. Оно и дѣйствительно такъ, потому что и по христіанскому ученію мѣсто мученія грѣшниковъ, какъ и мѣсто блаженства праведниковъ раздѣляется на нѣсколько сферъ, въ зависимости отъ нравственнаго состоянія человѣка. Различныя степени блаженства и мученій должны происходить и въ различныхъ сферахъ. Христіанское ученіе объ этомъ—ясно и вразумительно, а теософское—непонятно и неясно.

¶ Переходимъ теперь къ ученію теософіи о законахъ перевоплощенія и „кармы“, заправляющихъ будто бы жизнью человѣка.

Первоплощеніе, говорятъ, необходимо, потому что душа развивается постепенно и настолько медленно, что не можетъ въ предѣлахъ одной жизни достигъ того совершенства, какое необходимо ей для перехода въ высшій міръ—изъ физическаго—въ астральный, изъ астральнаго—въ духовный и дальше—къ Божеству. Да, если отрицать Личнаго Бога, Творца и Промыслителя, то это не только затруднительно будетъ, но даже и *невозможно*. Это чувствуютъ всѣ люди, это громко проповѣдуютъ всѣ религіи, кромѣ мертваго буддизма. Наблюденіе и жизненный опытъ показываютъ, что предоставленный самому себѣ, однимъ

своимъ силамъ, человѣкъ безъ Божіей помощи и благодати, живя на землѣ, не только не усовершеншается, а на оборотъ, съ теченіемъ времени становится все хуже и хуже; отъ этого еще древніе язычники приходили въ отчаяніе, и будучи не въ силахъ измѣнить свою грѣховную жизнь, сдѣлать ее другой, чистой и нравственной, считали смерть лучшимъ удѣломъ человѣка на землѣ. Безсиліе свое чувствуетъ и теперь каждый человѣкъ, внѣ благодатной помощи.

А разъ это такъ, то бесполезно придумывать и перевоплощенія: *они дѣлу не помогутъ*. При вѣрѣ въ Личнаго Бога никакихъ перевоплощеній и не требуется. Развѣ всемогущій Богъ не силенъ прійти на помощь Своему созданію и спасти его въ мгновеніе ока? Если есть живой Богъ, а человѣкъ —Его твореніе, то это безусловно возможно и необходимо, такъ и быть должно, такъ оно и есть, и въ этомъ ни одинъ вѣрующій не сомнѣвается. Къ перевоплощенію привело буддизмъ невѣріе въ личнаго Бога, также и теософію. Если вѣрять въ Бога, надо отбросить перевоплощеніе. И законъ „карма“, говорятъ, требуетъ перевоплощенія. Въ силу этого закона человѣкъ долженъ заплатить всѣ свои долги близкимъ за полученное отъ нихъ добро и за причиненное имъ зло, а въ теченіи одной жизни сдѣлать это, говорятъ, невозможно.

Правда, мы всѣ—неоплатные должники, но не другъ предъ другомъ, а предъ Богомъ. Вѣдь все у насъ—не наше, а Божіе, и сами мы принадлежимъ Богу, Его—мы достояніе; поэтому и служа ближнимъ, мы должны чрезъ нихъ служить

Богу, и ближніе—то наши не больше, какъ рабы Божіи. Вотъ человѣкъ и долженъ погашать свой главный долгъ—въ отношеніи Бога, заключающійся въ нашихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, въ нашемъ удаленіи отъ Бога. Каясь, борясь съ грѣхомъ, дѣлая ради Бога добро, мы уже можемъ надѣяться на милость Божию, но только *на милость*, а не на свои подвиги и заслуги ибо безъ помощи Божіей человѣкъ не въ силахъ сдѣлать и самого малаго добра такъ, чтобы оно угодно было Богу и дошло до Него, какъ чистый еміамъ. Но если бы человѣкъ и въ силахъ былъ самъ творить дѣла, то и тогда онъ никогда не могъ бы сложить тѣхъ даровъ Божіихъ, какіе даются христіанину; дары эти—вѣчная, блаженная жизнь и гдѣ же?—на небѣ. Въ общеніи съ кѣмъ?—Съ Самимъ Богомъ и Его Святыми. Итакъ, мы неоплатные должники предъ Богомъ, а не предъ людьми. Оскорбляя ближнихъ, мы не столько оскорбляемъ ихъ (каждый человѣкъ за свои грѣхи заслужилъ всякое оскорбленіе), сколько оскорбляемъ и прогнѣвляемъ Бога, нарушая опять Его законъ о любви и правдѣ.

Сводитъ какіе-то личные счеты, высчитывая свои мнимыя добродѣтели и заслуги, возможно только при забвеніи Бога и невѣрїи Ему. Это и есть, какъ знаемъ, въ буддизмѣ; есть очевидно и въ теософіи. Но теософія не глубока даже и съ своей точки зрѣнія; ибо, если сравнивать дѣла и высчитывать ихъ якобы оправдательную силу, то и тутъ имѣетъ значеніе не количество дѣлъ, а качество. Разбойникъ «во единомъ часѣ раеви спо-

добися» и блудница спасалась, и мытарь оправдывался, а фарисей осуждался, хотя имѣлъ очень много добрыхъ дѣлъ. Тѣ спасались за высокое покаянное настроеніе и глубину смиренія предъ Богомъ, а этотъ осуждался за гордыню, за бездушную, торгашескую добродѣтель, которая и переставала быть добродѣтелью, такъ какъ сердцемъ онъ далекъ былъ отъ Бога.

Теософія тоже проповѣдуетъ какую-то странную, чисто формальную, лишенную всякаго нравственнаго смысла, добродѣтель безъ вѣры въ Бога и Божію помощь; а это уже не будетъ добродѣтель, а рядъ какихъ-то механическихъ, не согрѣтыхъ вѣрой въ Бога и не одушевленныхъ дѣлъ, совершаемыхъ во имя чего-то неизвѣстнаго, лишь по требованію необходимости, если желательно человѣку остановить колесо перевоплощеній.)

! Теперь можетъ судить всякій, насколько же выше христіанское ученіе о добродѣтели. По сему ученію, добродѣтель есть живое стремленіе всего человѣческаго духа къ Богу и божественной жизни; вся цѣнность добродѣтели полагается въ глубинѣ такого настроенія, внѣшнія же дѣла и подвиги только тогда имѣютъ значеніе, когда они служатъ выраженіемъ этого внутренняго настроенія человѣка, выраженіемъ его любви, молитвы, смиренія, терпѣнія, а главное: вѣры въ Бога. Безъ этой внутренней одухотворенности всякія даже по виду и добрыя дѣла особаго значенія въ очахъ Божіихъ не имѣютъ. Къ чести современнаго общества нужно сказать, что и оно на добродѣтель не придерживается внѣшняго,

формальнаго взгляда, а требуетъ при всякомъ добромъ дѣлѣ искренности настроенія и клеймить всякое лицемеріе, ханжество и бездушіе.

Итакъ, для погашенія нашихъ долговъ требуется вѣра въ Бога, покаяніе и по вѣрѣ дѣла, живыя и одухотворенныя, а не перевоплощенія съ ихъ механическимъ, торгашескимъ добродѣланіемъ и высчитываніемъ мнимыхъ заслугъ.

Первоплощенія нельзя оправдать и съ научной точки зрѣнія. Если перевоплощеніе есть и бываетъ, то почему же никто ничего не помнитъ изъ того, что дѣлано имъ въ предыдущую жизнь? Если же рѣтъ воспоминанія, то и цѣль перевоплощенія не достигается. Но у человѣка духъ — одинъ, и если бы было перевоплощеніе, безусловно мы бы все предыдущее помнили. За гробомъ вѣдь мы будемъ помнить все, содѣянное нами за это, за дѣла свои будемъ и судиться.

Если человѣкъ слѣдуетъ „кармъ“, то черезъ рядъ воплощеній, онъ, наконецъ, достигаетъ свободы отъ своихъ долговъ, очищается отъ страстей и переходитъ въ высшій міръ, спасается. Такимъ образомъ теософія вслѣдъ за буддизмомъ проповѣдуетъ догматъ самоискупленія человѣка, безъ всякой божественной помощи.

Хорошее искупленіе, когда до него нужно пройти тысячи перевоплощеній и наконецъ подавить всякое желаніе и даже всякую мысль о какихъ-либо предметахъ неба и земли. Замѣтьте: *неба* и земли. Значитъ, и о Богѣ нельзя думать. Что же тогда остается? *Только — пустота, уничтоженіе личности.*

Конечно, такое искупленіе, именуемое убійствомъ души, вытравленіемъ изъ нея всего живого,— всегда во власти человѣка. До такого невеселаго самоискупленія только и могъ договориться человѣкъ, въ своемъ безсиліи пересоздать свою природу. Нужно быть безумнымъ или слѣпымъ, чтобы не видѣть этого безсилія; вѣдь вся природа человѣка развращена грѣхомъ и повреждена въ корнѣ, въ самой своей внутренней основѣ: грѣхъ какъ бы растворился съ ней. Недаромъ, и вся вселенная такъ жаждала явленія Искупителя и изнывала въ своемъ внутреннемъ, мучительномъ страданіи отъ грѣха, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ сочиненія поэтовъ и философовъ, жившихъ близко ко времени рожденія Спасителя міра.

Итакъ, не спасеніе отъ грѣха и не жизнь обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ буддизмъ и теософія, а *погашеніе личной жизни*, духовное умираніе. Какъ же они жалки здѣсь въ сравненіи съ христіанствомъ, дающимъ человѣку полноту жизни и высшее блаженство!

Далѣе, теософія очень мало говоритъ о грѣхѣ. Правда, Раджа-Йога предписываетъ воздержаніе отъ страстей, но страсти имѣются въ виду не существенныя, главнымъ образомъ всякія излишества въ жизни; и человѣкъ долженъ воздерживаться отъ нихъ не потому, что порокъ есть грѣхъ и зло, а потому, что они расслабляютъ тѣло и ослабляютъ мозговую силу, мѣшаютъ сосредоточенности человѣка; и такія страсти, которыя этому не препятствуютъ, какъ напр. гордость, зависть, эго-

измъ, въ сущности самыя зловредныя и нетерпимыя, не только допускаются, а и поощряются. *Такимъ образомъ страсть и пороки разсматриваются не съ нравственной точки зрѣнія, а съ житейской, прикладной, какъ ослабляющіе силы чловѣка.* Это—первое.

Во-2, допуская и узаконяя въ чловѣкѣ наличность такихъ страстей, какъ гордость, эгоизмъ, зависть, теософія въ сущности оставляетъ всѣ главные источники страстей. Вѣдь гордость причина всякаго паденія, а эгоизмъ? Не отъ него-ли земная жизнь чловѣка обратилась въ процессъ жестокой борьбы за существованіе. въ арену всякой преступности и всякаго зла?

Опять къ чести современнаго общества слѣдуетъ сказать, оно не раздѣляетъ такихъ языческихъ вззрѣній на добродѣтели и вслѣдъ за ученіемъ Христа признаетъ любовь, отсутствіе эгоизма, смиреніе предъ Богомъ идеаломъ чловѣческой жизни. И такъ теософія въ нравственной жизни возвысилась только до проповѣди внѣшней добропорядочности, а не до высокыхъ христіанскихъ добродѣтелей любви, смиренія, подвига, возможныхъ только при вѣрѣ въ личнаго Бога.

При отсутствіи этой вѣры, при отрицаніи высшей добродѣтели и святости, смѣшно говорить о стремленіи чловѣка къ Богу и живомъ общеніи съ Нимъ. Теософы это поняли и вопросъ о богопознаніи, не отрицая прямо, подмѣнили другимъ, сроднымъ вопросомъ—о познаніи невидимаго міра, а это послѣднее отождествили

съ познаніемъ тайнъ природы вообще; поэтому и явилась *система Раджа-Йога*, рекомендующая искусственнымъ путемъ усиливать мозговую силу. Что же? Тутъ теософія послѣдовательна,—больше ничего и не остается дѣлать. Но только, какъ мы видѣли, ихъ познаніе тайнъ природы ничего не имѣетъ общаго ни съ богопознаніемъ, ни тѣмъ болѣе съ приближеніемъ человѣка къ Богу.

Это—нѣтъ особенный и совершенно недоступный ни въ малѣйшей степени въ предѣлахъ науки Раджа-Йога, усиливающей простую мозговую силу человѣка, какъ, на примѣръ, усиливаютъ мышечную силу (атлетика), силу памяти (мнемоника) и т. п.

Если говорить о Богопознаніи, *то Богъ познается и видится не умомъ, а нравственнымъ чувствомъ*. Вообще въ дѣлѣ всякаго познанія чувства занимаютъ первое мѣсто, а умъ—второе, онъ дѣйствуетъ послѣ. Слепой при всемъ умѣ не видитъ, а только гадаетъ о предметѣ, и глухой не слышитъ, а только гадаетъ о звукѣ; такъ никакимъ напряженіемъ ума человѣкъ не увидитъ и духовнаго предмета, если не войдетъ съ нимъ въ живое общеніе и не ощутитъ его своей чувствующей силой души, или сердечной силой.

Не умомъ, а чувствомъ (сердцемъ) человѣкъ входитъ въ общеніе и съ подобными себѣ людьми; имъ онъ входитъ и въ общеніе съ Богомъ¹⁾.

¹⁾ Только Бога человѣкъ воспринимаетъ высшей стороною чувствующей силы души или нравственнымъ чувствомъ; съ нимъ неразрывно бываетъ связана и совѣсть, какъ голосъ Божій въ душѣ человѣка.

При глубокой симпатіи и сродствѣ, душа одного человѣка всецѣло открывается душѣ другого и открывается не словами и бесѣдами, т. е. орудіями ума, а непосредственно, при помощи единенія чувства. Любящій чѣловѣкъ дѣйствительно *чувствуетъ*, ощущаетъ, душу своего друга; онъ знаетъ его мысли и настроеніе прежде высказыванія ихъ. И такъ не умъ, а чувство, какъ показываетъ и самое названіе, есть главная познавательная сила, получающая впечатлѣнія отъ духовныхъ предметовъ, будетъ ли это чловѣкъ, ангель или Богъ. Умъ имѣетъ дѣло уже съ этими впечатлѣніями, комбинируя ихъ, составляя понятія и т. д.

Если бы чловѣкъ не имѣлъ внѣшнихъ чувствъ, онъ при всемъ напряженіи мозга, ничего не зналъ бы о внѣшнемъ мірѣ или зналъ прерратно, и если бы онъ не имѣлъ чувствующей силы въ душѣ, онъ ничего не зналъ бы опытно о мірѣ духовномъ, а только по наслышкѣ или гаданіямъ. Поэтому христіанство и говоритъ о нравственномъ чувствѣ и сердцѣ, какъ органѣ общенія съ духовнымъ міромъ: *Сыне даждь ми сердце*, говорилъ Богъ; *блажени чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрятъ*, сказалъ Христось¹⁾.

Но опять и нравственнымъ чувствомъ чловѣкъ не сразу приблизится къ Богу; онъ долженъ раньше очистить свою душу отъ страстей, ибо подобное можетъ имѣть общеніе только съ подобнымъ, и къ Богу могутъ приблизиться только

¹⁾ Вопросъ о Богопознаніи подробно раскрытъ нами въ другой нашей брошюрѣ: „Вѣра и причины невѣрія“, изд. Полтава, 1912 г. 1—99 стр.

люди смиренные, кающіеся, очищающіеся отъ грѣховъ.

А очищать свою душу отъ грѣховъ человѣкъ опять самъ не въ силахъ: для этого нужна божественная помощь. Она и есть: благодать, принесенная на землю Христомъ, дѣйствительно возрождаетъ человѣка, дѣлаетъ его новымъ, безгрѣшнымъ и святымъ. Человѣкъ и познаетъ тогда своимъ духомъ высшій міръ и входитъ въ *дѣйствительное общеніе съ Богомъ* еще *здѣсь, на землѣ*, безъ всякой мозговой гимнастики и странныхъ перевоплощеній. „*Кто во Христвъ—тотъ новая тварь*“, говоритъ Апостоль. А внѣ благодати и христіанинъ безсиленъ, потому что никакого самоискупленія отъ грѣха нѣтъ и быть не можетъ; могутъ быть только самоумерщвление и погашеніе жизни, къ чему пришелъ буддизмъ, что переняла и теософія.

Итакъ, пусть теософія и буддизмъ усиливаютъ свою мозговую силу, пусть коверкаютъ душевную жизнь, балансируя между нервнымъ расстройствомъ и умопомѣшательствомъ,—никакого отношенія къ богспознанію они не имѣютъ и не могутъ имѣть, потому что не вѣрятъ въ личнаго Бога.

Но, спросятъ, какъ же тогда смотрѣть на тѣ причудливости, какія видятъ и слышатъ іоги, а за ними и нѣкоторые теософы (разумѣемъ: звонъ колоколовъ, видѣніе свѣта и т. п.), а также и на тѣ страхованія, какія они испытываютъ на своемъ пути къ сверженію?

Всѣмъ извѣстно, что отъ напряженія мозга

и переутомленія его всегда возможны галлюцинаціи. Послѣднія могутъ быть у всѣхъ людей съ нарушенной душевной жизнью, а не у однихъ только теософовъ. Но бываютъ и инья, худшія причины этихъ явленій.

Теософія учитъ, что страхованія эти идутъ главнымъ образомъ изъ астральнаго міра, населеннаго разными злыми существами. И христіанство учитъ, что человѣкъ окруженъ злыми существами, падшими ангелами, которые, отпавши отъ Бога по гордости, стараются склонить ко всякому грѣху и людей, дѣйствуя на нихъ подобно магнетизерамъ, чрезъ внушеніе. Всякія страхованія безусловно идутъ отъ нихъ, отъ нихъ же—свѣтъ и звонъ колоколовъ, и проч. Этимъ бѣсы желаютъ внушить подвижнику чувство гордости, чтобы онъ призналъ себя за святого и близкаго къ совершенству. Такое состояніе называется прелестью (прельщеніемъ) и отъ него особенно предупреждаютъ своихъ учениковъ христіанскіе подвижники. Св. Отцы запрещаютъ вѣрить даже явленіямъ ангеловъ, св. Угодниковъ и Самого Господа.

Итакъ, не велика заслуга іоговъ, что они видятъ свѣтъ, слышатъ звонъ колоколовъ и т. п. При случаѣ имъ можетъ явиться и самъ Будда, но все это будутъ продѣлки темной силы, съ которой они тогда имѣютъ общеніе.

Впрочемъ, не одни іоги, а и всѣ язычники имѣли и имѣютъ общеніе со злой силой, съ бѣсами. Древніе прорицатели, жрецы, маги и нынѣ всякіе шаманы, колдуны, а также спириты

окультисты, сатанисты безусловно находятся въ общеніи со злой силой. Зато до какого развращенія и умопомраченія доводили бѣсы и теперь доводятъ людей! Нѣтъ такой мерзости и такого нечестія, предъ которымъ бы они остановились. Предупреждая христіанъ отъ религіознаго общенія съ язычниками, ап. Павелъ писалъ: *«не хочу я, чтобы вы были въ общеніи съ бѣсами. Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую, не можете быть участниками въ трапезъ Господней и трапезъ бѣсовской»* (1 Кор. 10, 21, 22). И на всѣхъ грѣшниковъ такъ или иначе могутъ дѣйствовать бѣсы, какъ магнетизеры; поэтому мы и молимся Богу *«сохранить насъ отъ лукаваго»*.

При помощи злой силы, всякіе окультисты, чародѣи и маги могутъ творить и чудеса: узнавать мысли, наносить вредъ людямъ, предсказывать будущее и т. п. Антихристъ, какъ говорятъ св. Отцы, будетъ великимъ магомъ.

Отличіе христіанскихъ чудесъ отъ волхованій въ томъ, что они совершаются силой Божіей, о чемъ открыто заявляетъ совершающій ихъ, и направляются къ высокой, нравственной цѣли—ко спасенію людей и облегченію ихъ страданій.

Такого бѣсовскаго характера многія чудеса юговъ, а вѣроятно, и теософовъ. Но многія изъ нихъ—явленія простого внушенія и гипнотизма, инья—просто дѣло ловкости и фокуса, а инья, къ сожалѣнію, представляютъ и обманъ.

Мы до сихъ поръ ничего не сказали о комъ-либо изъ представителей теософіи, не касались ихъ жизни и дѣятельности. Но для полноты изложенія

слѣдуетъ хоть вкратцѣ коснуться и этого. Е. П. Блаватская была основоположницей теософiи; слѣдуетъ думать, что ученіе свое она воплотила и въ жизни; жизнь ея, такъ сказать, была иллюстраціей къ ея ученію.

Приводимъ отзывъ извѣстнаго романиста Вс. Соловьева, бывшаго участникомъ теософскаго общества. Черезъ 2 года онъ разочаровался и въ обществѣ, и въ самой Блаватской: тутъ многое оскорбляло его нравственное чувство. Какъ поборникъ правды, онъ наконецъ не выдержалъ и, не касаясь жизни Блаватской, открыто повѣдалъ о ея обществѣ. Вотъ отрывокъ изъ его очерка: «Современная жрица Изиды», посвященнаго теософскому обществу.

«Ясенъ вредъ,—говоритъ онъ, могущій произойти отъ увлеченія глубоко матеріалистической доктриной, разукрашенной разными суевѣрiями, мнимыми чудесами и носящей пышное названіе „теософiи“ и «религiи разума». Показать въ истинномъ свѣтѣ, съ помощью неопровержимыхъ доказательствъ, нравственную подкладку такого ученія, а также его создателей и провозвѣстниковъ—оказалось дѣломъ общественной важности».

„Я самъ въ свое время, да и не одинъ, а въ компаніи съ нѣкоторыми представителями западно-европейской науки и литературы, очень заинтересовался Блаватской, ея феноменами и чудесами. Ни отъ кого я не скрывалъ моего первоначальнаго увлеченія и моихъ все возрастающихъ сомнѣній и моего страстнаго желанія во

что-бы то ни стало узнать истину въ этомъ крайне важномъ дѣлѣ.“

«И она знала, что я веду мое разслѣдованіе, но рассчитывала, что я въ качествѣ соотечественника и друга, узнавъ все, не рѣшусь *выдавать ее иностранцамъ*—по ея выраженію. Но конечные результаты моего изслѣдованія, подтверждаемые документами, оказались ужасны для Блаватской: я убѣдился, что вся ея теософическая дѣятельность—обманъ, обманъ, и еще обманъ!

Въ Россіи я молчалъ пока „заинтересованныхъ“ не было или было мало. Поднимать это дѣло-- значило бы обращать на него общее вниманіе. Но когда г-жа Желиховская заговорила во всеуслышаніе, измѣняя дѣйствительность до полной неузнаваемости, я долженъ былъ прервать мое молчаніе»¹⁾).

А вотъ письмо самой Желиховской, сестры Блаватской, къ Соловьеву въ моментъ ихъ общаго знакомства въ Парижѣ въ 1884 г.: „Я ѣхала къ ней,—пишетъ Желиховская, поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы между нами и рѣчи не было о ея дѣлахъ и обществѣ; впоследствии это оказалось невозможнымъ: меня затянулъ общій водоворотъ и, къ крайнему сожалѣнію, я согласилась быть въ обществѣ настолько, насколько могла по совѣсти и религіознымъ убѣжденіямъ въ немъ состоять. Очень жаль, *сердечно жаль* нашихъ испорченныхъ, быть можетъ, навсегда отношеній; но даже ради нихъ *я не могу пожерт-*

¹⁾ Всев. Соловьевъ. Современная жрица Изиды, изд. 1904 г., стр. 293—295 (въ сокращеніи).

воватъ совѣстью. Не виню ее: ей то, что она просить меня сдѣлать, кажется пустякомъ, мнѣ— *преступленіемъ!* Мы разное смотримъ на вещи, можетъ быть потому, что я христіанка, а она... не знаю что! Она давно меня объ этомъ просить. Я не могу исполнить ея желанія и не хочу! потому что мало того, что считаю его для себя *нечестнымъ*, но и для нея гибельнымъ“¹⁾.

Разоблаченію теософскихъ чудесъ и ихъ поддѣлки посвятило себя Лондонское Психическое Общество. Интересующіеся найдутъ все это въ упомянутомъ очеркѣ Всев. Соловьева²⁾.

— Знаменитый нашъ философъ Влад. Соловьевъ, братъ романиста, тоже считаетъ теософію атеистическимъ ученіемъ, воскресившимъ мистическую часть буддизма; по его мнѣнію, она не имѣетъ и права называться теософіей, т. е. богомудріемъ, такъ какъ не вѣритъ въ Личнаго Бога³⁾.

Есть судъ надъ теософіей и въ словѣ Божіемъ. Моисей отъ лица Бога говорилъ Израилю: *„Когда ты войдешь въ землю, которую дасть тебѣ Господь, Богъ твой, тогда не научись дѣлать мерзости, какія дѣлаютъ народы сіи. Не долженъ ходить у тебя проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародѣй, обаятель, вызывающій духовъ, волшебникъ и*

1) Тамъ-же, стр. 324.

2) По свидѣтельству г-жи Желиховской и сама Е. П. Блаватская относилась къ своимъ чудесамъ „*презрительно*“, говоря, что „это—ничтожнѣйшія дѣйствія силъ, извѣстныхъ каждому фокуснику“ (!). Интересное признаніе. См. 9 стр. упомянутой книги Всев. Соловьева.

3) Венгеровъ. Энциклоп. Словарь. Статья В. Соловьева о Блаватской, т. III, стр. 316.

вопрошающей мертвыхъ. Ибо мерзокъ предъ Господомъ всякій, дѣлающей это». (Второз. 18, 9—12). «*Если же какая душа обратится къ волшебникамъ, то Я обращаю лице Мое на ту душу, и истреблю ее изъ народа*» (Лев. 20, 6).

А вотъ какъ предупреждаетъ вѣрующихъ въ Н. Завѣтъ ап. Павелъ, уста Христовы: «*Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая душамъ обольстительнымъ и ученіямъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1—2.) «*Смотрите, чтобы кто не увлекъ васъ философійю и пустымъ обольщеніемъ*» (Кол. 2, 8: см. Дѣян. 26, 18; 4 кн. Царствъ 23, 24).

Пожалуй, увлекающіеся теософіей могутъ подумать, что это къ нимъ не относится, что они и при теософіи признаютъ Христа. Разберемъ это ихъ самооправданіе; какъ, въ самомъ дѣлѣ, теософія смотритъ на Христа?

Христіанство, мы видѣли, она ставитъ ниже буддизма, а Христа? И Христа не считаетъ за Бога, а за великаго, *но человека*, ставитъ его не выше Будды, Магомета и другихъ основателей языческихъ религій. Если Онъ и Богъ, то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можетъ быть имъ и каждый. Отсюда, все дѣло Христа понимается въ переносномъ смыслѣ, *иносказательно*. Напр. Христось воплощается, когда человѣкъ начинаетъ отставать отъ грѣха. Христось воскресаетъ, когда добро въ душѣ человѣка беретъ перевѣсъ надъ зломъ.

Такъ все величайшее и божественное дѣло Христа понимается въ извращенномъ смыслѣ,

съ полнымъ отрицаніемъ божественности І. Христа и Его воплощенія, какъ Бога.

И слышится грозное слово св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова; *„всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедша, отъ Бога есть; и всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, нѣсть отъ Бога, а антихристовъ: и нынѣ антихристы многи суть* (1 Іоан. 4, 2—3; 2, 18).

Итакъ, вотъ чей духъ движеть теософіей. Правда, все это высказывается осторожно, со всевозможными недомолвками, чтобы прельстить, *аще возможно*, и избранныхъ. Такъ и дѣйствуютъ лживые духи, ища погибели христіанской. Недаромъ теософія въ послѣдней своей стадіи переходитъ въ оккультизмъ, т. е. тайное ученіе, — истина же не боится свѣта.

Итакъ, можно-ли въ концѣ концовъ сравнивать христіанство и теософію? Нѣтъ, теперь мы отказываемся это дѣлать, когда теософія такъ ясно и откровенно отвергаетъ Христа, вѣру и благодать. «Какое можетъ быть общеніе между свѣтомъ и тьмой, между Христомъ и Велиаромъ (сатаной)?» — 2 Кор. 6, 14.15.

Въ смыслѣ прельщенія теософія не нова: до нея тысячи лжеученій, и болѣе серьезныхъ, возставали на вѣру Христову, губили людей и сами гибли, а Христось и Его Церковь пребываютъ для вѣрныхъ непоколебимо, полные благодати и истины.

Да разсѣется же грѣховный мракъ съ духовныхъ очей нѣкоторыхъ нашихъ братій. Да узрятъ

и они Солнце правды—Христа, узрять жизнь и полноту жизни еще здѣсь, на землѣ, и вѣчное блаженство за гробомъ!

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

1 гл. *Изложеніе теософскаго ученія.* Главные дѣятели теософскаго общества. Задача и цѣли, преслѣдуемая теософіей. Ученіе объ истинѣ; отношеніе къ христіанству и буддизму. Ученіе теософіи о Богѣ; мірѣ и человѣкѣ. Міръ— проявленіе Божества. Три міра: физическій, астральный, духовный и ихъ различіе. Насельники астральнаго міра. Законы перевоплощенія и „карма“. Какъ достигнуть познанія высшаго міра и единенія съ Божествомъ? Система „Раджа-Йога“. Приемы къ развитію мыслительной (мозговой) силы и достиженіе сверхсознанія. Чудеса іоговъ. Страхи на пути къ Божеству. „Истинная Йога“.

1—24

2 гл. *Критика теософіи съ христіанской точки зрѣнія.*

Смутное понятіе о Божествѣ. Отрицаніе различія между духомъ и матеріей. Затушеванный матеріализмъ и атеизмъ. Критика законовъ перевоплощенія и „кармы“. Невысокій взглядъ на добродѣтель. Несостоятельность догмата самоискупленія. Богопознаніе невозможно въ предѣлахъ системы „Раджа-Йога“. Назначеніе нравственнаго чувства и сердечной силы. Къ

какому единенію приводить „Іога“? Состояніе „прелёсти“ (прельщенія) духовной. Участіе злыхъ силъ. Взглядъ на чудеса іоговъ и факировъ. Всев. Соловьевъ о теософскомъ обществѣ. Отзывъ о теософіи философа Влад. Соловьева. Судъ надъ ней Слова Божія. Превосходство и божественная сила христіанства. Заключение. 25—45

